

«ЧТО НИ ВОЗЬМИ, ОДНИ ВОСПОМИНАНИЯ»

Если наша литература, как мы говорим и как оно есть на самом деле, - литература памяти, то с этой книгой в нее добавляется сейчас одно из интереснейших произведений.

По внешней своей структуре это роман об Екатеринодаре (теперешнем Краснодаре) и о кубанском казачестве, которому еще Екатерина даровала привилегии, выделившие кубанцев в силу их пограничного положения и императорского благоволения к ним в особый отряд служилых людей, до последних дней царской власти составлявших своей отборной частью конвой его величества. Поэтому в романе есть все - и Царское Село, и приемы казачьих депутаций императором и членами императорской семьи, и российские юбилейные торжества, и празднества, связанные с историей казачества, и гражданская война, и исход с отступающими частями Добровольческой армии в зарубежье, и нелегкая, мытарская жизнь там, вдали от Родины, а больше всего - многослойная и красочная жизнь в столице Екатеринодаре, военный и будничный быт кубанцев. От высочайших особ и до простых казачек и монашек, от чистопородных великих князей, от знаменитостей искусства и политики до греческих и турецких иммигрантов, содержателей обжорок и притонов - круг действующих лиц в романе. От начал Запорожья и до наших дней - время его действия. От Парижа и до Хуторка в степной глуши - место действия.

И все это в воспоминаниях. Это роман-воспоминание не только по материалу, но и по форме его изложения, когда автор отказывается пользоваться ширмами, скрывающими ветхие углы. «Из воспоминаний», «Из записок», «Из дневника» - обычное начало глав. «На этом записки обрываются» - случающийся их конец. Люди говорят, перебивая друг друга, нередко об одних и тех же событиях говорят вразнобой, при повторении не обязательно прежнее воспоминание накладывается на новое. «Что ни возьми, одни воспоминания», - замечает один из самых говорливых и охочих до прошлого героев романа.

Здесь говорят не только герои. Надпись на могильном камне: «О люди! Что теперь вы, то и мы были некогда; что теперь мы, то и вы скоро станете». Даются объявления о смерти, документы и манифесты, письма, записки, стихи, газетные заметки, слухи. Чисто авторские страницы, где Виктор Лихоносов является в полное свое замечательное лирическое перо, то и дело перемежаются хроникой. И опять вступают в свою роль герои. «Будем же вспоминать! — приглашает автор.- Всякое время пройдет, и всякому человеку придется оглядываться назад, туда, где уже нет никого». Он зовет к воспоминаниям с настойчивостью и нетерпением, с тревогой, что еще несколько лет, и не останется людей, способных дать важные свидетельства в

пользу истины. Верно, что «история и время не сразу уносят своих свидетелей на кладбище», и все-таки нужно спешить, успеть в последний момент запечатлеть то время, после которого наступили другие времена, потребовавшие других летописцев.

«Выбор героев зависел от самой судьбы: на страницы романа взошли те люди, которые пережили других и больше всего мне рассказали. Разумеется, не все, а некоторые. Я временами чернел от мысли, что стараюсь напрасно. И как все это связать, убедить современников в невинности своих взглядов, и нужно ли вообще оборачиваться так далеко назад? Погляди на нынешний день: не тени забытые, а живые люди трутся о твое плечо в трамвае, несут на горбушке деточек в сад, поют песни, горюют и читают в газетах о страшной войне во Вьетнаме. Я все это понимал и ничего с собою поделывать не мог: жалко было и горожан, никем никогда не помянутых. Между тем нам никогда не проникнуться прошлой жизнью как следует. Тайна ее лежит на самом дне».

Должно быть, только наш писатель способен выставить как серьезную причину и право: «жалко было и горожан, никем никогда не помянутых». И возразить на эту наивную, казалось бы, и слабую причину нечем - столько в ее слабости и наивности силы и любви к человеку, столько милосердия и доступности, что она отчетливо воспринимается не как чудачество, а как изначальный закон, по которому безвестных где-то в каких-то глубинах отбирали для жизни и слова. Задумаемся, отрешившись на минуту от суеты и тесного движущегося круга сегодняшнего бытия: да разве может приходивший в жизнь и заслуживший добрую память уйти окончательно, не получив ответного отзыва в наших днях? Красиво это, справедливо, порядочно? И если не занует от такой несправедливости душа - что стало с этой душой?

Обслуживающее наши движения припоминание - это не память, а только функция памяти со всем тем деловым, что есть в этом слове. Память - понятие духовное, она есть родительское продолжение в живущих, неустанный отбор и обережение лучших человеческих качеств, действующая доброта, единственно правильная ответственность за судьбу родной земли. Сколько в человеке памяти, столько в нем человека. Сколько памяти - столько жизни в прошлом и будущем. Одни начинают жить с Киевской Руси, другие и собственный недолгий праздник испортят грубым пиром. Из всех столпов любого государства память имеет самое большое и самое важное значение, и она должна быть первым гражданином государства. Народ велик не числом жителей, а животворной памятью, подвигающей к благим и безошибочным деяниям. Не только народы, но и цивилизации исчезали, если поколения живущих заражались эгоизмом и самостью.

Вот в чем прежде всего нужно видеть смысл этого романа, вот о чем наперебой и по-разному говорят его герои.

Нетрудно заметить, что в нем нет разделения на тех, кому играть роль и кому подыгрывать, кому изрекать истины и кому служить фоном для изрекающих. Да и сам роман - не роман в привычном обозначении жанра. Тут свободно, когда хотят, берут слово, без затруднений из героя превращаются в повествователя, переставляют с места на место времена. В нем не существует обычных строгостей «романного строя», действие вольное и широкозахватное. Даже автор здесь в двух ипостасях, как принято было в старой литературе: сначала якобы собирал воспоминания и писал один человек, а затем после его смерти дописывал и готовил рукопись к публикации другой. Казацкий язык звучит тут рядом с французским, грубоватые шутки соседствуют с изысканностью, старомодность с новейшими манерами. Чтобы сказать окончательное слово, здесь возвращаются из небытия, сплошь и рядом возможны удивительные случайности и странные несоответствия. Герою на этих страницах позволено говорить больше, чем автору, и в такие пускаться дебри многословия и пируэты острословия, которые обычному роману не выдержать. Это — как разлив, подхвативший всю ту жизнь, которая оказалась на его пути, со всеми водоворотами, зигзагами, омутами и возвратными путанными течениями.

Вместо Петра Толстопята, Дементия Бурсака, Калерии Шкуропатской, Василия Попсуйшапки, Луки Костогрыза, Акима Скибы и наказного атамана Бабыча в романе, вероятно, могли быть другие люди (они и воспринимаются не как созданные воображением автора герои, а как бывшие под собственными именами люди), но неизменным осталось бы их время. Теперь уже исчезнувшее время. Исчезнувшее? Но прошлое не уходит бесследно, в каждом из нас оно оставляет следы и протягивается дальше. У прошлого нет границ, его отменить нельзя. Забвение прошлого - несчастье и ужас для последующих поколений, когда принявшие забвение уподобляются зверям, на рассвете нового дня пожирающим мясо растерзанных стариков, а не принявшие - мучаются от неполноты и неисполненности, от укороченности и духовного плебейства своего поколения. До сих пор мы не можем изжить в себе язычество и до сих пор невольно, из природы своей, поклоняемся отмененным божествам - как же нам отменить то, что было всего лишь десятки лет назад?!

Бессомненно, главный герой этого романа - Память. Память - как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить на земле, не помня, чем здесь жили прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков. Не помня по именам самых знаменитых из них и праведных, чьими мыслями и заслугами мы продолжаем пользоваться как само собой

разумеющимся, как извечно существующим, подобно творениям природы. Безымянное и беспмятное пользование - тоже воровство. Собственность, в чьих бы руках она ни была, должна иметь духовное наследование. Мы уверенней и сильнее себя чувствуем, когда получаем не только власть над нею, но и право на нее, от этого мы становимся продолжительнее во времени и надежнее в своих внутренних связях. Наконец мы обретаем совесть, обретаем ее не на словах, а на деле, в принятом человеческом законоположении. Мы начинаем ощущать, что мы есть в полном движении времени.

Эти мысли невольно сопровождают чтение романа. О роли нашего поколения в ряду поколений, о мере возможного восстановления литературой и искусством нарушенной памяти, о наполнении жизнью минувших дат и событий. Вот для чего звучат и звучат, перебивая друг друга и боясь не досказать, голоса под аккомпанемент: «и придут времена, и исполнятся сроки» - да еще: «Так проходит слава земная», под аккомпанемент трагического и комического, возвышенного и простого. Мы не истину в готовом виде получаем из этих воспоминаний, а жизнь, оставшуюся вслед за нею картину, из которой можно вывести часть истины. Память становится здесь материальным ощущением времени, людские судьбы рисуют его общую судьбу. И горькая правда настигает нас: самодовольство живущего - лишь по праву живущего, не умеющего слышать и понимать голоса.

Жили люди и были не последнего ума и сердца, совершая поступки во имя Отечества, рассуждая о нем то с отрадой, то с горечью, но с неизменной надеждой. Всякий поступок оставляет после себя след. А мысль? Она тоже, бесспорно, участвует в поступке, но сама она, неподхваченная и незаписанная, но составленная искренней душой, достигающая порой абсолютной верности, услышанная абсолютным слухом, высвеченная божественным озарением,— не пропадает ли она, сказанная в «полевых условиях» жизни, навсегда, так что людям затем останется искать только ее слабые подобия? Задумывались ли мы когда-нибудь над тем, что в трагические моменты истории, каковым явилась в нашем народе гражданская война, человеческое откровение, доходившее в страданиях до последних пределов, наполовину безвозвратно утеряно? Не произошло ли то же самое в Отечественную войну? Единицы вели записи своих чувств, наблюдений и дум, десятки могли после воспроизвести их приблизительный и смутный след, главное же богатство (не есть ли это также национальное богатство?) кануло окончательно.

Мысль, кажется, не имеет воспоминания, но такова общая температура этого романа, что верится - имеет, что многие и многие рассуждения о Родине и ее судьбе дошли до нас в собственном звучании, в документальной записи. Испытываешь сквозь искушенную душу невольное чувство радости,

что сохранилось и спустя много лет отыскалось въяви доносящееся теперь, как эхо, многоголосое незатихшее слово отстрадававшихся кубанцев.

Да нет же: и мысль, и чувство, конечно, имеют воспоминания, только, как и для поступка, для этого им нужны весомость и полнокровность, первоочность и страсть, способные произвести сильное впечатление. Наверное, благодаря неверному воспоминанию и появилось - «мысль изреченная есть ложь». Но это уже другой разговор, не имеющий отношения к роману.

Строгий и придирчивый критик легко отыщет в этом романе недостатки. Прежде всего он обратит внимание на много - и велеречивость героев и экипировку действия, подвигающегося не боевым казацким порядком, а растянувшимся обозом, подбирающим всякого, кто в него попросится. «Зачем,- с справедливым укором спросит он, - столько внимания и страниц было уделять, например, Олимпиаде Швыдкой, женщине сомнительной репутации и непредсказуемых поступков, вплоть до того, что, отмолившая тяжкие свои грехи и почившая, вновь появляется она в наше время в верхнем полукруглом окне двухэтажного краснодарского дома? Ну, коли как реликвия рода и потребовалась Олимпиада Швыдка, то к чему бабушки бабушек со своими полусвязными воспоминаниями, к чему прибудшие к действию, рыскающие по степи казаки, ищущие наказного атамана, чтобы выпросить у того всего лишь бычка симментальской породы, к чему напрочь забытые ныне знаменитости в своих и чужих пределах, сгружающие и без того заполненный роман и замедляющие его движение?»

И он будет прав, этот взыскательный критик. Он будет прав - если смотреть на роман как на должное существовать в строгих литературных нормах обычное произведение. Если смотреть на него как на работу, которой не удалось стать обычной, или, правильнее сказать, выдающейся в обычном. Но этот роман с самого начала так был задуман и так создавался, что он сразу вышел из ряда, и законы этого ряда к нему применять бессмысленно. Не из тщеславия или литературного бунта он вышел, а из сознательного и открытого доступа в себя всякого, кому есть что сказать даже как бы и по сказанному — для подтверждения сказанного или сомнения в нем. Автор заботился не о стройности фигуры своего романа, а о полноте памяти, о воссоздании по возможности всех живых связей.

Эта книга с нарочитой, с небывалой, пожалуй, свободой рассказывания, когда меняются и стили, и голоса, и языки, когда блестящее по своей выразительности перо автора, каким оно является нам в некоторых главах, со вздохом обрывает себя и переходит на документальную запись времени. Здесь властвует Время, властвует везде и во всем, над человеком и над землей. «И кто слышал бы их в то прохладное утро осени 11-го года, все равно не узнал, кто они, откуда, зачем движут... Ранней степью простучали

на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...» - вот для чего, вот для какого звука и слуха в безвестности понадобились автору три казака, едущие степью с заботой о бычке симментальской породы.

Образ Времени даже и в широком ограничении для человека, вышедшего за его пределы, имеет обычно монументальные и застывшие черты. Хотим мы того или не хотим, но первое двадцатилетие нынешнего века существует в нашем сознании в виде определенных символов - ушли люди, отзвучали голоса, погасли страсти, одни деяния живших тогда мы признали, от других отказались. Мы смотрим на него с собственных позиций и с мерками собственной жизни, а оно было полнее, живее, величественнее, проще и трагичней. Отражаясь в человеке и его истории, оно тем самым имело начала и концы, продолжения и притоки, ошибки и заблуждения, само же по себе оно было могущественным, бесконечным и единственным течением.

Растерянно и восторженно прислушиваясь к космическому движению Времени с тщетой человека установить в нем себя - «Ранней степью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...», Виктор Лихонос предпринимает героические усилия восстановить земной облик Времени не в столь отдаленном его течении по кубанским пределам. И это ему удастся вполне. Читатель не однажды с удивлением поймает себя на том, что он словно бы не читает, а прислушивается: так звучало Время. Роман впустил в себя множество голосов, и по ним, а не наоборот, отыскивал он своих героев. Отыскивал иногда за тридевять земель, чтобы по возможности составить полное свидетельство принадлежавшей им эпохи. Судить или возвеличивать их — это уже наше дело, однако кроме нашего приговора они уже судимы и возвеличены Временем.

Открытая озвученность романа произведет, вероятно, на читателя необычное и непривычное впечатление и вызовет споры и противоположные суждения. Но отказать ему в беспристрастности и правде нельзя. Эта правда шире и вместительней, чем мы привыкли видеть ее в книге, она не есть готовое, художественным словом сказанное мнение, а только данные для мнения, которые потребуют немалой духовной и исторической подготовленности, немалого нравственного труда при восприятии и для сердечного отзыва.

Быть может, главное в романе: человеческий отзыв на человеческую жизнь, право каждой жизни и каждого времени на неиспорченную память.